

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ ИТАЛИИ НА БАЛКАНАХ В СИСТЕМЕ ВЕРСАЛЬСКИХ МИРНЫХ ДОГОВОРОВ

Е. В. Меньковская

Версальская конференция открылась 18 января 1919 г. и продолжалась больше года – до 21 января 1920 г. Главную роль играли представители пяти великих держав: США, Великобритании, Франции, Италии и Японии. Державам–победительницам следовало заключить ряд мирных договоров – с Германией, Болгарией, Турцией, а также с теми государствами, на которые распалась Австро-Венгрия [4].

С целью удовлетворения своих территориальных притязаний Италией были заключены несколько договоров. Одним из определяющих дальнейшее развитие отношений между Югославским государством и Италией был Сен-Жерменский мирный договор. Он был подписан 10 сентября 1919 г. в г. Сен-Жермен-ан-Ле (близ Парижа) США, Британской империей, Францией, Италией, Японией и другими «союзными объединившимися державами», с одной стороны, и Австрией, с другой.

Сен-Жерменский договор констатировал распад Австро-венгерской империи, происшедший после капитуляции Австро-Венгрии 27 октября 1918 г. и создание на ее территории Австрийской республики, Венгрии, Чехословакии, Сербско-Хорватско-Словенского государства. Италия по этому договору получала Южный Тироль и часть других территорий бывшей Австро-Венгрии (граница Италии с Королевством СХС была определена Раппальским договором 1920 г.), полуостров Истрию [3].

Трианонский договор был подписан 4 июня 1920 г. в Большом Трианонском дворце в Версале. По этому договору Адриатический порт Риэка(Фиуме), на которые претендовали Италия и королевство СХС перешел под управление союзников с тем, чтобы стать в будущем вольным городом [4].

Результаты Первой мировой войны не удовлетворили Италию, они породили миф об «урезанной победе» и подтолкнули её к продолжению захватнической политики на Балканах. Однако само по себе недовольство итальянской правящей элиты итогами мирного урегулирования в Европе и перераспределения колониальных владений не было чем-то экстраординарным. Франко-английский диктат в вопросах послевоенного устройства вызвал протест многих стран и народов, чьи права были ущемлены несправедливостями версальско-вашингтонской системы.

Италия, много получив по условиям договоров и в Европе, и в Африке, хотела большего. Она обвиняла своих союзников по Антанте, обманувших ожидания и не выполнивших условий Лондонского договора 26

апреля 1915 г. Однако для Италии остроту послевоенной ситуации определил крах двух великих европейских империй. Балканская проблема приобрела новые формы [2, с. 5]. Распад Австро-Венгрии создал немало проблем для итальянской внешней политики, главными из которых стали вопросы о заполнении вакуума в Центральной Европе, образовавшегося в результате устранения с международной арены главного конкурента в борьбе за Адриатику, и о новой роли Балкан в европейской политике. Для Италии право считаться единственной наследницей Австро-Венгрии было сопряжено с борьбой. Однако этому препятствовал ряд факторов: активное противодействие Югославии, стремившейся добиться политического лидерства на Балканах; соперничество Франции, укрепившей свое влияние в странах через малую Антанту; политика Великобритании, занимавшей ключевые позиции в Восточном Средиземноморье и поэтому ревниво относившейся к любым попыткам подорвать её гегемонию. Таким образом для Италии балкано-адриатическая и балкано-дунайская проблемы значительно усложнились. Изменились и сами Балканы. На развалинах австро-венгерской монархии непосредственно у восточных границ Италии образовалось крупное славянское государство. Весь комплекс Балканских стран в целом заявлял о себе как о субъекте европейской политики.

Лондонский договор 1915 г. продолжал оставаться платформой, на которой итальянская дипломатия основывала свои требования в период мирного урегулирования. Значительные территориальные приращения по Сен-Жерменскому договору 1919 г., чрезвычайно выгодное для Италии соглашение с Югославией в Рапалло в 1920 г., расширение колониальных владений в Африке не удовлетворили итальянские правящие круги [2, с. 7].

Лозунг о гегемонии в Адриатике и преобладании в Средиземноморье включал в себя в качестве составной части завоевание албанского плацдарма для наступления на Балканы, что и предусматривал Лондонский договор. «Корабль войны, – писала 26 июня 1919 г. «Пополо Д’Италия», – это лучший инструмент внешней политики...» [1, с. 7]. Однако попытка добиться этого была неудачной: последовало военное поражение в Албании летом 1920 и дипломатическое – в Юго-Восточной Европе в 1920–1921 гг. (создание Малой Антанты). Первое региональное объединение – Малая Антанта, которое ввиду своей антигабсбургской направленности должно идти в русле итальянской политики, превратилось в союзницу Франции, что в тогдашней обстановке на Балканах обернулось против Италии.

После войны, с учетом новой ситуации, Италия начинает разработку внешнеполитического курса.

Теоретически и практически были возможны формирование и дальнейшее развитие линии, предполагающей проведение политики сотрудничества со странами Балканского полуострова, отказ от попыток прямого (в том числе и вооруженного) вмешательства во внутренние дела. В частности, в отношении Югославии это должно было означать поощрение её стремления к созданию достаточно сильного и независимого государства, чтобы оно не могло стать орудием в руках противника Италии. Эта тенденция позже нашла отражение во внешней политике Италии.

Взаимоотношения Италии со странами балкано-адриатического региона были тесно связаны с так называемой «восточной политикой», которая включала обширный комплекс государств, начиная с балканских и заканчивая советской Россией [2, с. 8–9]. Борьба за раздел сфер влияния на Балканах и в Юго-Восточной Европе, развернувшаяся в послевоенное время, прикрывалась фразами о необходимости возведения бастиона против большевистской России.

Этим же руководствовались итальянские теоретики экспансионизма, претендовавшие вслед за Францией и в противовес ей на роль лидера малых стран Восточной Европы в борьбе против России, но в то же время на нее рассчитывали как на возможного союзника в борьбе против версальско-вашингтонской системы, что не исключало новую перегруппировку сил в Европе. Следовательно, на Балканах и Средиземноморье.

В послевоенный период Балканы составляли основную заботу правящей элиты Италии. Конечно, были и участие в урегулировании европейских проблем и попытки войти в число великих держав, но осуществление задачи, выдвинутой ранее («господство на Адриатике, преимущественное влияние на средиземном море»), начиналось с Балкан. И здесь главным противником Италии была Югославия.

Территориальные притязания Италии не были полностью удовлетворены на Парижской мирной конференции и не нашли желаемого отражения в системе Версальских мирных договоров. Италия, несмотря на обещания союзных держав в соответствии с Лондонским секретным пактом 1915 г., получила лишь часть вождеденных югославянских территорий. После окончания Первой мировой войны она была победившей державой лишь формально, не получила от войны желаемых выгод и практически потеряла статус великой державы. Большой общественный резонанс в стране получило решение о передаче прав вольного города порту Фиуме (ныне Риека), владеть которым так хотелось итальянцам. Учитыв-

вая непомерные аппетиты Италии в начале Первой мировой войны, можно понять, почему итальянские политики были так недовольны решениями Версальской мирной конференции. Однако в ходе войны Рим постепенно терял уважение союзных держав, и к концу военных действий оно было утрачено окончательно, а итальянские территориальные притязания уже не воспринимались всерьез.

Первая мировая война не только не принесла Италии желаемых выгод, но и подтолкнула ее к продолжению захватнической политики на Балканах.

Литература

1. Международные отношения на Балканах и Ближнем Востоке. Свердловск, 1988.
2. *Смирнова Н.Д.* Политика Италии на Балканах. 1922–1935 гг. М., 1979.
3. <http://fww/fromru.com/web/history/after/sjmd/html>.
4. <http://www.sch57.msk.ru/collect/wst3vers.htm>.

РОЛЬ «ТРЕТЬЕГО СЕКТОРА» В ФОРМИРОВАНИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: К ИСТОРИОГРАФИИ ВОПРОСА

С. Г. Мигуцкий

Понятие «гражданское общество» – одно из самых распространенных категорий политологии, использующихся Аристотелем, Ш.Л. Монтескье, Н. Макиавелли, Дж. Локком, Т. Гоббсом, И. Кантом, Г. Гегелем, Н. Бердяевым. Оно заняло прочное место в терминологическом арсенале политических и общественных наук, стала тем базовым понятием, на основе которого выстраиваются целые концепции и теории. Тем не менее, феномен гражданского общества и его роль в социальной реальности изучены еще далеко не полностью.

В настоящее время в республике инициируются многочисленные исследования, конференции, ведутся активные дискуссии по проблемам становления и развития гражданского общества. С особой остротой этот вопрос встал после распада СССР и формирования на его пространствах качественно новых государственных образований со своей спецификой.

Начавшаяся демократизация в конце 80-х – начале 90-х годов положила начало длительному и сложному периоду перехода бывших тоталитарных систем к открытому рыночно-демократическому обществу. Этот процесс сопровождался быстрым развитием «третьего сектора» во всех странах региона. И это не случайно. Становление и укрепление демократического государства и развитие местного самоуправления решающим образом зависит от формирования современного гражданского общества. Именно «третий сектор», как совокупность неправительствен-